

Проф. В. Несмѣловъ.

НАУКА О ЧЕЛОВѢКѢ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МЕТАФИЗИКА ЖИЗНИ И ХРИСТИАНСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

КАЗАНЬ.
Центральная типографія.
1906.

Отъ Казанскаго духовно-цензурнаго Комитета при Казанской духовной академіи печатать разрѣшается. Членъ Комитета, проф. Пав. Юнгеровъ. 1 октября 1905 года.

Есть что-то особенное въ содержаніи христіанства, что существенно близко соприкасается съ интимной жизнію человѣческаго духа и непосредственно затрагиваетъ самые глубокіе интересы его. И есть что-то особенное въ самомъ человѣкѣ, что властно двигаетъ его волю и мысль въ направленіи идеальнаго міра и заставляетъ его идти туда, откуда пришло христіанство. Конечно, онъ можетъ идти *туда* по другой дорогѣ и можетъ никогда не встрѣтиться съ христіанствомъ. Но есть какой-то путь, на которомъ онъ не можетъ не встрѣтиться съ христіанствомъ, и если только дойдетъ до него, то не можетъ не включить его въ кругъ своихъ размышленій и не можетъ не согласиться съ его истинной. Мы хотимъ опредѣлить этотъ путь, — *хотимъ выяснитъ тѣ положительныя основанія, которыя позволяютъ языческому уму человека усвоить себѣ содержаніе христіанской проповѣди и принять христіанство въ качество религіи.*

Изслѣдованіе этихъ основаній необходимо для правильнаго пониманія христіанства и для составленія правильнаго сужденія о немъ. Если тѣ основанія, на которыхъ утверждается вѣра въ истину христіанства, представляютъ изъ себя достовѣрныя познанія безспорныхъ фактовъ, то и вѣра въ истину христіанства окажется не только логически возможной вѣрой, и даже не только научно-состоятельной вѣрой, но именно *вѣрой истинной*. Если же эти основанія окажутся простыми догадками и соображеніями человѣческой мысли, да къ тому же еще догадками и соображеніями по поводу такихъ фактовъ, которые на самомъ дѣлѣ *непонятны* для мысли, то вѣра въ истину христіанства, психологически вполне возможная, для научно-критическаго мышленія однако окажется прямо несостоятельной вѣрой. Въ силу этого, научное изслѣдованіе тѣхъ основаній, изъ которыхъ возникаетъ убѣжденіе въ истинѣ христіанства и на которыя конечнымъ образомъ опирается и самый

фактъ религіознаго отношенія къ нему, очевидно, представляетъ собою такую задачу, къ рѣшенію которой могутъ вполне согласно идти какъ защитники христіанства, такъ и противники его, потому что съ рѣшеніемъ этой задачи они дѣйствительно могутъ придти или къ дѣйствительному оправданію христіанской вѣры, или къ полному ея разрушенію.

Собственно говоря, другого пути къ рѣшенію вопроса объ истинѣ или не истинѣ христіанства нѣтъ и не можетъ быть. Вѣдь это не оправданіе христіанства, когда *вѣра* въ его истину оправдывается *второй* въ его божественное происхожденіе, а вѣра въ его божественное происхожденіе оправдывается *второй* въ божество Іисуса Христа, а вѣра въ божество Іисуса Христа оправдывается *второй* въ нѣкоторыя дѣла Его, какъ произведенія божественной силы, а вѣра въ божественное происхожденіе нѣкоторыхъ дѣлъ Іисуса Христа оправдывается *невозможностію объяснить ихъ иначе*. Изъ незнанія ничего другого не можетъ получиться, кромѣ незнанія.

Но это и не опроверженіе христіанства, когда путемъ разсудочнаго анализа нѣкоторыхъ христіанскихъ ученій стараются доказать ихъ немыслимость и эту немыслимость дѣлаютъ основаніемъ такого вывода, что будто эти ученія совершенно ложны. На самомъ дѣлѣ изъ такого основанія можетъ быть сдѣлано и совершенно другое заключеніе, — изъ него именно прямымъ путемъ можетъ быть выведено знаменитое положеніе Тертулліана: *credo, quia absurdum est* — я не въ состояніи этого понимать и *потому мнѣ приходится* въ это вѣровать. На это положеніе теперь уже привыкли смотрѣть, какъ на выраженіе слѣпого хотѣнія вѣрить. Но въ дѣйствительности оно можетъ выражать собою и *полное обоснованіе разумности* вѣры. Допустите только, что въ содержаніи христіанскаго вѣроученія находится достовѣрное познаніе нѣкоторой истины, и допустите, что съ содержаніемъ этого познанія органически связано содержаніе всѣхъ нецѣлостныхъ христіанскихъ ученій; тогда вѣра въ истину этихъ ученій окажется не только психологически естественной и логически возможной, но *второй* разумной и *второй* истинной; потому что отказаться отъ этой вѣры, если только дѣйствительно доказана внутренняя, органиче-

ская связь непостижимыхъ христіанскихъ ученій съ содержа-
ніемъ достовѣрнаго познанія истины, для разсудочнаго
мышленія такъ же невозможно, какъ невозможно для него
считать достовѣрное познаніе истины за совершенное не-
знаніе ея.

Кажется, очень понятно, что и цѣли защиты христіан-
ства, и цѣли опроверженія его необходимо должны направ-
ляться къ одному и тому же пункту. Необходимо требует-
ся выяснить, *на что именно опирается вѣра въ истину хри-
стіанства*. Конечно, эта вѣра, какъ и всякая вообще че-
ловѣческая вѣра, несомнѣнно опирается на какое нибудь
познаніе. Вѣдь если бы человѣкъ ограничился только ло-
гикой христіанскаго вѣроученія, то онъ и пришелъ бы
только къ сознанію его непостижимости или просто немыс-
лимости. А если бы онъ остановился только на мысли объ
этой непостижимости, то онъ и нашелъ бы въ этой мысли
основаніе не для своей вѣры, а только для своего невѣрія.
Въ этомъ случаѣ онъ непремѣнно бы высказалъ такое по-
ложеніе: *такъ какъ я не въ состояніи этого понимать, то
я не могу въ это и вѣрить*. И это положеніе было бы пси-
хологически вполне естественно, потому что оно выража-
ло бы собою дѣйствительное положеніе человѣческой мыс-
ли въ отношеніи христіанскаго вѣроученія, и логически
оно было бы совершенно правильно, такъ какъ утвержде-
ніе невозможности вѣры здѣсь прямо бы вытекало изъ своего
дѣйствительнаго основанія—изъ невозможности мышленія.
Поэтому, если человѣкъ сознаетъ и признаетъ полную не-
постижимость христіанскаго вѣроученія и, не смотря на
это, все-таки утверждаетъ его истинность, то самый фактъ
этого утвержденія ясно показываетъ, что у него есть ка-
кое-то познаніе, съ которымъ неразрывно связывается въ
его мысли все содержаніе христіанскаго вѣроученія, и по
силѣ этой именно неразрывной связи ему ужъ *необходимо
приходится вѣрить въ истину непостижимыхъ христіан-
скихъ ученій*, хотя онъ и не въ состояніи ихъ понимать.
Стало быть, какъ въ интересахъ защиты христіанства,
такъ и въ цѣляхъ опроверженія его, одинаково необходи-
мо выяснить и опредѣлить, что это за познаніе такое, ко-
торымъ опредѣляется вѣра въ истину христіанства, и на-
сколько достовѣрно это познаніе? Въ случаѣ признанія

этого познанія вполнѣ достовѣрнымъ, необходимо далѣе выяснить и опредѣлить, какимъ образомъ содержаніе этого познанія связывается со всѣмъ содержаніемъ христіанскаго вѣроученія, и почему эта связь можетъ опредѣлять собою не только простое предположеніе мысли на счетъ возможной истинности христіанскаго вѣроученія, но и несомнѣнную увѣренность въ его дѣйствительной истинности?

Предлагая опытъ рѣшенія этихъ вопросовъ, мы не можемъ, конечно, задаваться такою цѣлью, какъ совершенное прекращеніе борьбы между вѣрой и невѣріемъ. Эта борьба вызывается такими причинами, которыя не имѣютъ къ наукѣ никакого отношенія и потому не могутъ быть устранены путемъ научнаго изслѣдованія. Мы имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль. Намъ хотѣлось бы установить такую точку зрѣнія на христіанство, на которой бы свободно могли стоять и вѣра и невѣріе, и съ которой бы они одинаково могли увидѣть въ содержаніи христіанскаго катехизиса не просто лишь искусственное сцѣпленіе какихъ-то непостижимыхъ текстовъ, а цѣльную и связную систему глубокихъ и великихъ ученій. Если, при такомъ взглядѣ на христіанство, вѣрующій человѣкъ найдетъ для себя возможность не только заучить на память все содержаніе катехизиса, но и открыть въ этомъ содержаніи дѣйствительное выраженіе своихъ дѣйствительныхъ вѣрованій, то это будетъ хорошо. И если невѣрующій человѣкъ, оставаясь при своемъ невѣріи, всетаки найдетъ для себя возможность, по крайней мѣрѣ, отнестись къ христіанству съ тѣмъ уваженіемъ, какого оно заслуживаетъ не только въ качествѣ истинной религіи, но и въ качествѣ истинной философіи жизни и духа, то въ крайнемъ случаѣ даже и это будетъ хорошо, хотя и не такъ хорошо.

I. Христiанское вѣроученiе и соблазны ума.

1. Дѣятельность I. Христа и появленiе христiанства.
2. Отношенiе христiанства къ iудейству и язычеству.
3. Iудео-языческая критика христiанскаго вѣроученiя и рѣшительное отрицанiе христiанства.
4. Невольное подчиненiе iудейства и язычества живому слову христiанской проповѣди и существенное искаженiе христiанства.
5. Двойственное положенiе христiанскаго вѣроученiя въ сознанiи самихъ христiанъ: основные догматы христiанской вѣры, какъ неразрѣшимыя проблемы мысли.
6. Проблема истины христiанскаго вѣроученiя и необходимыя условiя для научнаго рѣшенiя этой проблемы.

1. Христiанство явилось въ мiрѣ, какъ невѣроятное ученiе и непонятное дѣло. Многiе знали Иисуса Христа, какъ святаго Учителя закона, и многiе знали Его, какъ великаго чудотворца, и нѣкоторые предполагали Его, какъ возможнаго царя iудейскаго, но Христа—Спасителя мiра и Начальника новой жизни людей въ вѣчномъ царствѣ Божіемъ никто изъ людей не зналъ и никто даже не хотѣлъ знать, потому что никто изъ людей рѣшительно не понималъ Его чудной проповѣди объ этомъ невѣдомомъ царствѣ. Пока Онъ говорилъ о Божіемъ законѣ истинной жизни, люди слушали Его—по выраженiю евангелiя—*съ услажденiемъ и дивились ученiю Его* (Мр. 11, 18; 12, 37; Лк. 4, 32); и когда Онъ наплатъ въ пустыни пять тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами, то наплатавшіеся люди говорили между собою: *это истинно тотъ пророкъ, которому должно прійти въ мiръ*, и не только они говорили это, но и порѣшили сдѣлать Его царемъ надъ собою (Ioан. 6, 14–15).

Но когда, въ отвѣтъ на эти домогательства своихъ послѣдователей, Христосъ сталъ говорить о Себѣ Самомъ, какъ объ истинномъ хлѣбѣ небесномъ, питающемъ человѣка въ жизнь вѣчную, то Онъ вызвалъ этимъ ученіемъ недоумѣніе и ропотъ среди іудеевъ; а когда Онъ объяснилъ неразумнымъ поборникамъ хлѣба и рыбы, что истинный хлѣбъ жизни есть собственное тѣло Его, которое Онъ добровольно отдаетъ за жизнь всего міра, то не одни только посторонніе слушатели, но и многіе ученики Его стали говорить другъ другу: *какія странныя слова! кто можетъ это слушать?*—и съ выраженіемъ этого недоумѣнія поспѣшили оставить своего учителя (Іоан. 6, 41—42, 51—52, 60—66). Ясное дѣло, что царство Божіе для этихъ людей заключалось только въ обиліи хлѣба и рыбы, а потому, хотя они и согласились было признавать Христа за того великаго пророка, которому, по ихъ ожиданіямъ, слѣдовало явиться въ міръ, однако отъ этого великаго пророка они на самомъ дѣлѣ всетаки ничего другого не ожидали, кромѣ хлѣба и рыбы (Іоан. 6, 31, 34). Поэтому, лишь только они замѣтили, что всѣ ихъ грубыя желанія и ожиданія не могутъ быть оправданы Христомъ, они тотчасъ же и отвернулись отъ Христа, потому что Онъ оказался для нихъ вовсе не тѣмъ пророкомъ, котораго они ожидали и котораго они дѣйствительно могли бы принять.

Правда, около Христа было двѣнадцать ближайшихъ учениковъ, которые не разставались съ Нимъ во все время Его проповѣднической дѣятельности, которые были слушателями всѣхъ Его поученій и свидѣтелями всѣхъ Его дѣлъ. И правда, что эти ближайшіе ученики и друзья Христа смотрѣли на Него именно такъ, какъ Онъ Самъ училъ о Себѣ, т. е., они признавали Его Христомъ—Сыномъ Божіимъ. Но того великаго дѣла, ради совершенія котораго явился Христосъ, они всетаки совершенно не понимали и въ дѣйствительности ходили за своимъ небеснымъ учителемъ только по несчастнымъ соображеніямъ плоти и крови. Ихъ болѣе всего поражала во Христѣ и привлекала къ Нему Его необыкновенная чудодѣйственная сила. Они много разъ видѣли на себѣ самихъ, что эта мощная сила во всякое время можетъ спасти ихъ отъ всякихъ бѣдъ и на морѣ и на землѣ, и они полагали, что

Христосъ можетъ употребить эту всемогущую силу не только на дѣла широкой благотворительности, но и для жестокой расправы съ тѣми людьми, которые захотѣли бы обойтись съ ними не особенно привѣтливо (Лк. 9, 52—54). *На этомъ основаніи* они искренно вѣрили въ божественное назначеніе Христа, какъ *царя израилева*, и на основаніи этой вѣры своей они съ глубокимъ вниманіемъ прислушивались къ ученію Христа объ откровеніи въ людяхъ Божія царства. Они слушали и спрашивали своего Учителя обо всемъ, что въ рѣчахъ Его относилось къ этому царству и что казалось имъ непонятнымъ. Но при всѣхъ объясненіяхъ Христа объ особой духовной природѣ Его царства (Лк. 17, 20—21), и объ исключительномъ способѣ открытія его (Іоан. 3, 3—17), и объ особыхъ условіяхъ жизни въ немъ (Мѣ. 18, 1—4; 20, 25—28), они все-таки до самой смерти Его представляли себѣ Божіе царство вовсе не тѣмъ, что оно дѣйствительно есть, и думали объ открытіи его вовсе не такъ, какъ оно дѣйствительно было открыто Христомъ.

Послѣ того, какъ извѣстное исповѣданіе апостола Петра ясно показало Іисусу Христу, что ученики Его усвоили себѣ совершенно вѣрный взглядъ на лице Его, Онъ прямо и открыто заговорилъ съ ними о томъ поразительномъ средствѣ, чрезъ которое имѣетъ осуществиться въ людяхъ вѣчное царство Божіе: *съ того времени*,—говоритъ евангелистъ,—*Іисусъ началъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть* (Мѣ. 16, 21; Мр. 8, 31). И, въ отвѣтъ на эту поразительную рѣчь, тотъ же самый апостолъ, который только что предъ этимъ исповѣдалъ Христа Сыномъ Божіимъ, и ясное исповѣданіе котораго собственно и подало собою первый поводъ къ откровенной бесѣдѣ Христа объ истинной цѣли Его пришествія въ міръ, началъ прекословить своему учителю и выражать Ему свое человѣческое соболѣзнованіе и пожеланіе, чтобы въ дѣйствительности ничего такого не случилось, о чемъ говорилъ Христосъ (Мѣ. 16, 22). Спаситель, какъ извѣстно, отвѣтилъ ему: *отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ*, но этимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ своимъ Онъ

не вразумилъ апостоловъ, а только заставилъ ихъ на будущее время молчать и скрывать отъ Него свои тайныя мысли и недоумѣнія. Поэтому, когда послѣ чуднаго преображенія своего Онъ во второй разъ заговорилъ съ ними о томъ, что *Сынъ Человѣческій преданъ будетъ въ руки Человѣческія, и убьютъ Его, и въ третій день воскреснетъ*, то—по слову евангелиста—они весьма опечалились (Мѳ. 17, 22—23), потому что—по слову другого евангелиста—они не поняли слова сего, и оно было закрыто отъ нихъ, такъ что они не постигли его, а спросить Его о семъ словѣ боялись (Лук. 9, 45, срав. Мар. 9, 31—32). Но и безъ всякихъ вопросовъ съ ихъ стороны Христосъ ясно, конечно, видѣлъ рѣшительное непониманіе ими того великаго дѣла, ради совершенія котораго Онъ явился въ міръ, и зналъ о дѣйствительной причинѣ этого непониманія въ ихъ іудейскомъ представленіи Мессіи, какъ божественнаго устроителя земного царства израилева. Поэтому Онъ пощадилъ ихъ немощный умъ и пересталъ болѣе говорить съ ними о предстоящемъ концѣ своего земного служенія людямъ. Только предъ самымъ наступленіемъ Своихъ мучительныхъ страданій Онъ съ нѣжной заботливостію предупредилъ Своихъ учениковъ и апостоловъ: *вотъ, мы восходимъ въ Іерусалимъ, и совершится все написанное чрезъ пророковъ о Сынѣ Человѣческомъ, ибо предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его, и оплюютъ Его, и будутъ бить, и убьютъ Его, и въ третій день воскреснетъ* (Лук. 18, 31—33, срав. Матѳ. 20, 18—19. Но и этого послѣдняго предупрежденія апостолы совершенно не поняли. Они чувствовали, что находятся наканунѣ великихъ и необычайныхъ событій, но что именно ожидало ихъ божественнаго Учителя,—догадаться объ этомъ, не смотря на поразительно ясную рѣчь Христа, они рѣшительно были не въ состояніи (Лук. 18, 34). Это невѣдѣніе смущало и ужасало ихъ, такъ что, по выраженію евангелія, они *въ страхъ* слѣдовали за Іисусомъ, когда Онъ въ послѣдній разъ восходилъ въ Іерусалимъ на Свои вольныя страданія и смерть (Мар. 10, 32), и всетаки они слѣдовали за Нимъ, слѣдовали не потому, что хотѣли раздѣлить съ Нимъ чашу Его великихъ страданій, а потому, что они твердо вѣрили въ царскую власть Его и въ скорое наступленіе

обѣщаннаго Имъ царства Божія (Лук. 19, 11). Они слѣдовали за Нимъ, помышляя о хорошихъ мѣстахъ для себя въ наступающемъ царствѣ Его (Матѣ. 20, 20—24; Марк. 10, 33—41; сравн. 9, 33—34).

Событія послѣднихъ дней въ земной жизни Іисуса Христа прошли съ поражающей быстротой и не оправдали собою земныхъ ожиданій Его апостоловъ. Торжественный входъ въ Іерусалимъ, когда народъ восторженно встрѣчалъ Іисуса, какъ *Сына Давидова*, какъ *Царя израилева* (Матѣ. 20, 9; Іоан. 12, 13; срав. Мар. 11, 10), вызвалъ собою послѣдній взрывъ страшной ненависти и злобы къ Нему со стороны книжниковъ и фарисеевъ, первосвященниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ. Тотчасъ же послѣдовали зловѣщія предостереженія Христу (Матѣ. 21, 15, 16; Лук. 19, 38—39); а потомъ начались и рѣшительные заговоры противъ Него обезумѣвшихъ вождей народа, и явилось позорное предательство Іуды, и совершился незаконный судъ синедріона съ произнесеніемъ заранѣе составленнаго приговора о смерти, и раздался наконецъ дикій вопль озвѣрѣвшей толпы: *кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ, распни Его!* Язычникъ проконсулъ оказался выше и нравственнѣе, чѣмъ всѣ эти кровожадные блюстители закона Божія, на одно только и способные, чтобы неповинною кровію Божіихъ посланниковъ запечатлѣвать свое исконное неповиновеніе Богу (Матѣ. 23, 35—37). Пилать сразу догадался, что предъ нимъ стоитъ не какой нибудь злодѣй въ родѣ разбойника Варава, а невинная жертва людской ненависти, и язычникъ Пилать преклонился предъ нравственнымъ величіемъ іудея Іисуса (Матѣ. 27, 13—14; Мар. 15, 5) Но несчастный Пилать былъ римскій проконсулъ, т. е., человѣкъ обязанный отвѣчать предъ своимъ государемъ за спокойствіе ввѣренной ему провинціи. Поэтому, хотя онъ и употребилъ всѣ возможные для него средства, чтобы спасти Іисуса отъ неповинной смерти, однако, замѣтивъ, что всѣ его попытки на самомъ дѣлѣ только увеличиваютъ смятеніе народа, онъ не рѣшился до конца отстаивать правды,—и *превозмогъ*, говоритъ евангелистъ, *крикъ народа и первосвященниковъ* (Лук. 23, 23).

Государственная политика римскаго правителя сдѣлала то, чего не могла допустить человѣческая совѣсть Пи-

лата. Изъ опасенія народнаго бунта Пилать предалъ Христа на распятіе, и торжествующіе враги съ чувствомъ злобной радости поспѣшили овладѣть своимъ неповиннымъ узникомъ. Они исполнили надъ Нимъ все то поруганіе, о которомъ Онъ заранѣе говорилъ ученикамъ своимъ: и осмѣяли Его, и оплевали Его, и избили Его, и распяли Его, и не оставили безъ поруганія даже самыхъ мученій Его на позорномъ крестѣ (Матѣ. 27, 27—44; Мар. 15, 16—32). Но Онъ смотрѣлъ на эту кровожадную толпу своихъ мучителей и скорбѣлъ только о невѣдѣніи ихъ (Лук. 23, 34). Ни одной укоризны человѣческому безсердечію, ни одной жалобы на человѣческое неправосудіе люди не услышали отъ Него. Съ кроткой молитвой о прощеніи враговъ своихъ Онъ перенесъ великій позоръ своихъ крестныхъ мученій, и пришла къ Нему благодѣтельная смерть, и Онъ сказалъ наконецъ: *совершилось* (Іоан. 19, 30)! Но въ цѣломъ мірѣ тогда еще не было ни единого человѣка, который бы зналъ, за что собственно умеръ Христосъ, и что именно такое совершилось съ Его смертію.

Когда захватили Іисуса посланные Каіафой служители, апостолы оставили своего Учителя и въ страхѣ разбѣжались отъ Него (Матѣ. 26, 56; Мар. 14, 50). За Нимъ послѣдовали только два ученика—Петръ и Іоаннъ (Іоан. 18, 15), но Петръ страха ради іудейска трижды отрекся отъ Него и, въ минуту послѣдняго отреченія встрѣтивъ на себѣ печальный взглядъ Христа, съ горькими слезами стыда и раскаянія удалился домой (Лук. 23, 61—62). Остался одинъ Іоаннъ, который и провожалъ Христа и на мѣсто суда и на мѣсто казни и который видѣлъ въ этой позорной казни послѣдній конецъ всего дѣла Христа (Іоан. 20, 8—9). Однако, прошло всего только семь съ половиною недѣль со времени этого страшнаго событія, и вдругъ дѣло Христа, которое казалось совершенно поконченнымъ, неожиданно взволновало собою весь Іерусалимъ, и всю Іудею, и весь древній міръ.

По случаю іудейскаго праздника пятидесятницы въ Іерусалимѣ было огромное стеченіе народа, какъ изъ природныхъ іудеевъ, такъ и изъ прозелитовъ іудейства, со всѣхъ концовъ римской имперіи (Дѣян. 2, 9—11), и все это множество людей неожиданно увидѣло запуганныхъ апостоловъ Христа, которые, въ основательномъ страхѣ

за жизнь свою, старались прежде укрываться отъ зоркихъ глазъ іудейскихъ начальниковъ и которые теперь всенародно выступили съ убѣжденной проповѣдію о своемъ распятіи Учителѣ: *твердо знай, весь домъ израилевъ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ сего Іисуса, Котораго вы распяли* (Дѣян. 2, 36). Удивленные люди неожиданно услышали, что будто распятый, умершій и погребенный Іисусъ воскресъ отъ мертвыхъ и всякому человѣку, вѣрующему во имя Его, даруетъ прощеніе грѣховъ (Дѣян. 2, 32, 38). Это необычайное извѣстіе сразу же нашло себѣ не малое число вѣрующихъ и сразу же опредѣлило собою пламенную силу христіанской вѣры въ борьбѣ съ невѣріемъ. Вѣрующіе люди, по связи апостольской проповѣди съ дѣйствительнымъ фактомъ жизни и ученія, страданій и смерти Христа, принимали апостольскую проповѣдь не какъ *ученіе-толкованіе*, а какъ простое *сообщеніе-изложеніе* дѣйствительнаго факта, и потому предметомъ своей вѣры они собственно дѣлали не *содержаніе христіанской проповѣди*, а только *надежду своего вѣчнаго спасенія* во Христѣ. Люди же невѣрующіе, напротивъ, смотрѣли на апостольскую проповѣдь не какъ на изложеніе дѣйствительнаго факта, а какъ на простое человѣческое ученіе, хотя и составленное *по поводу* дѣйствительнаго факта, однако *въ высшей степени невѣроятное*, потому что ни одно положеніе апостольской проповѣди ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано въ приложеніи къ тому дѣйствительному факту, о которомъ говорила эта необычайная проповѣдь. Если апостолы говорили о Христѣ, какъ объ истинномъ Сынѣ Божіемъ, то всѣ люди, знавшіе Іисуса, знали Его не какъ Сына Божія, а какъ обыкновеннаго человѣка—сына бѣднаго галилейскаго плотника Іосифа (Іоан. 10, 30—33; 7, 27, 41; Матѣ. 13, 55—57); и если апостолы говорили о Христѣ, какъ о расторгнувшемъ узы смерти и сѣвшемъ одесную Бога Отца, то всѣ люди, своими глазами не видѣвшіе Воскресшаго, знали и могли говорить только о дѣйствительной смерти Его на крестѣ и о дѣйствительномъ погребеніи Его въ новомъ гробѣ Іосифа аримаѣейскаго. Слѣдовательно, содержаніе апостольской проповѣди стояло въ явномъ противорѣчій съ тѣмъ, что каждому было извѣстно о Христѣ, какъ очевидный и безспорный фактъ, и что

каждымъ необходимо мыслилось о Христѣ, какъ очевидная и безспорная истина. Въ силу же этого рѣшительнаго противорѣчія, содержаніе апостольской проповѣди естественно казалось людямъ не просто только невѣроятнымъ, но прямо и несомнѣнно ложнымъ, и апостолы по собственному опыту хорошо это вѣдали, что по всѣмъ доводамъ и соображеніямъ человеческого разума люди не должны были вѣрить ихъ проповѣди, потому что и сами-то апостолы долгое время не вѣрили тому, о чемъ пришлось имъ потомъ проповѣдывать людямъ.

При жизни своего Учителя апостолы несомнѣнно признавали Его Христомъ—Сыномъ Божіимъ, но единственную цѣль Его пришествія въ міръ они видѣли и полагали только въ чувственномъ устроеніи славнаго царства израилева. А такъ какъ непредвидѣнная ими смерть Христа совершенно разрушила собою всѣ ихъ земныя ожиданія, то они были повергнуты этимъ въ крайнее смущеніе и рѣшительно не знали теперь, что имъ слѣдуетъ думать о своемъ распятомъ Учителѣ: *распяли Его*,—говорили эммаусскіе путники,—*а мы было надѣялись, что Онъ есть тотъ, который долженъ избавить израиля* (Лк. 24, 20—21). Это разочарованіе ясно показываетъ, что какихъ нибудь другихъ надеждъ въ отношеніи Христа апостолы совершенно не питали въ себѣ, и потому создать какое нибудь особое представленіе объ истинномъ дѣлѣ Христа они совершенно не могли. Единственное дѣло, ради котораго, по ихъ мнѣнію, слѣдовало явиться Христу,—это лишь осуществленіе іудейской мечты ихъ о желанномъ избавленіи израиля. Независимо отъ этой мечты своей они вовсе не думали о Христѣ, и даже на собственное ученіе Спасителя объ истинномъ дѣлѣ Его они не только не обращали никакого вниманія, но и прямо относились къ этому ученію отрицательно, такъ какъ это ученіе совершенно не мирилось съ ихъ іудейскимъ представленіемъ о Христѣ, и потому никакого смысла въ этомъ ученіи они совершенно не находили. Поэтому, когда нѣкоторыя женщины, ходившія помазать мѣромъ тѣло Іисусово, пришли и рассказали одиннадцати апостоламъ, что онѣ видѣли пустой гробъ Христа и около гроба двухъ свѣтоносныхъ мужей, которые объявили имъ о воскресеніи Спасителя и которые при этомъ напом-

нили имъ, что такъ еще при жизни своей говорилъ и Самъ Христосъ, то апостолы, конечно, не могли не вспомнить извѣстныхъ рѣчей Христа, и всетаки,—говорить евангелистъ,—*показались имъ слова муроносицъ пустыми, и они не повѣрили имъ* (Лук. 24, 11). Правда, апостоль Петръ, взволнованный необычайнымъ извѣстіемъ, тотчасъ же побѣжалъ ко гробу Христа и нашелъ его дѣйствительно пустымъ, но это обстоятельство, по слову евангелія, только *удивило* апостола (Лук. 24, 12), мысли же о воскресеніи Христа онъ при этомъ не только не имѣлъ, но совсѣмъ даже и не допускалъ этой мысли. Объ этомъ очень ясно и выразительно говоритъ скептическое отношеніе апостоловъ къ извѣстному разсказу эммаусскихъ путниковъ, которые вечеромъ того же самаго великаго дня прибѣжали изъ Эммауса и возвѣстили апостоламъ, что Христосъ дѣйствительно воскресъ, что они видѣли Его, и шли съ Нимъ, и разговаривали, и сидѣли съ Нимъ вмѣстѣ за вечернимъ столомъ, и апостолы,—говоритъ евангелистъ,—выслушавъ этотъ разсказъ, *имъ не повѣрили* (Мар. 16, 13).

Въ отвѣтъ на это рѣшительное невѣріе учениковъ и друзей своихъ, все въ одинъ и тотъ же первый день своего воскресенія отъ мертвыхъ, Христосъ одновременно явился бывшимъ вмѣстѣ десяти ученикамъ своимъ, при отсутствіи одиннадцатаго апостола Тѳомы, и ученики, по слову евангелиста, *обрадовались, увидѣвъ Господа* (Іоан. 20, 19–20). Но когда пришелъ къ нимъ Тѳома, и они возвѣстили ему о воскресеніи Спасителя, то Тѳома отнесся къ этому извѣстію съ выраженіемъ полнѣйшаго недовѣрія: *если,—говорилъ онъ,—не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю* (Іоан. 20, 25). Тѳома, разумѣется, нисколько не думалъ, что апостолы обманываютъ его, и онъ, разумѣется, нисколько не отвергалъ, что апостолы дѣйствительно видѣли Господа, но только фактъ этого дѣйствительнаго видѣнія ему казался недостаточнымъ для того, чтобы доказывать собою дѣйствительное воскресеніе Христа. Въ качествѣ глубокаго скептика, Тѳома, очевидно, рассуждалъ такимъ образомъ, что апостолы несомнѣнно видѣли и слышали, какъ живой Хри-